

Можно было бы даже заметить, что они удаляются от него настолько далеко и по столь странным путям, что было бы очень трудно узнать, что послужило первым поводом для их заблуждений. Но сказанного нами довольно, чтобы показать всю естественность того, что народы усвоили эти предрассудки, и показать, однако, в то же время, как нелепо было верить в них» (с. 39). Вместо понимания — оценка и суд. Но важно другое: символические уподобления в оккультных сферах средневековья распространены на все средневековье в целом и поставлены в зависимость от коллективного невежества средних веков, воплотившегося в магической технике.

Рубеж XIX и XX веков знаменателен преодолением надменного отношения к средневековой культуре со стороны просвещенцев XVIII столетия. Однако и здесь символ — шора, застывшая взор исследователя. О. А. Добиаш-Рождественская: «Готический собор полнотою своих символов говорил всем.... о таинстве неба и чудесах земли» (1920, с. 59). Г. Фосильон видит в средневековье «грандиозность и благородство концепции мира как общественной системы, символы как собор идей, как богатейшее и полифоническое выражение вечной гармонии» (Focillon, 1947, с. 6). Не стану комментировать эти красивые афоризмы. Они были бы верны или почти верны, не будь в них слова *символ*, употребленного в значении подобия и потому существенно меняющего дело.

Настаивают на символизме средневековья и новейшие исследователи. С. С. Аверинцев, например, считает, что дух явлен в искусстве средних веков в виде символа, представляющего модус явленности духовного мира в посюстороннем (1973). При этом верно подчеркивается полисемантическая символа в отличие от однозначности аллегории. О символической природе средневековой культуры толкует и А. Ф. Лосев (1973; 1976). Некоторые историки в духе символизма объясняют *икону* — фундаментальный знак-знамение христианской культуры и литургическое действие. Икона в культуре Византии, согласно этой версии, — не идол, но подобие, символ. Икона символизирует связь земного (доски, краски и прочее) и неземного (изображение). *Евхаристия* (воспроизведение рождения и смерти *Иисуса Христа*) — не напоминание мифологемы, а подобие и символ, то есть новое воспроизведение события. Реальные предметы обнаруживают сверхъестественный смысл. *Просфора* — *богоматерь*, ее кусочек — *агнец-младенец*, *крестообразный разрез* — *крестная смерть Иисуса Христа*. И, наконец, самое главное — это *таинство причащения*: *вино и хлеб пресуществляются в кровь и тело господни*. А каждый присутствующий при литургии — соучастник перехода от грешного мира к божественным небесам, свидетель чуда, снимающего дуализм небесного и земного. И только М. М. Бахтин в книге о романе *Франсуа Рабле*, кажется, ни разу не употребил применительно к средневековью термина *символ*, этого романтизированного ярлыка нового времени. Отношение земного и небесного, человека и бога, по Бахтину, иное. Это менее всего отношение подобия. Внутреннее томление, сокровенный акт душевного вознесения, становления в унижении и нищете духа и только потому при-